

ГДЕ ИМЕННО ПОБЫВАЛ ЛЁННРОТ В БЕЛОМОРСКОЙ КАРЕЛИИ?

Самыми важными для рождения “Калевалы” были четвертая, пятая, шестая и седьмая экспедиции Лённрота (рис. 2). В 1833 году он отправился из Каяни 9 сентября, по воде попал в Суомуссалми, затем через Вуокки, Хюрю и Вийнаки прошел в Каменное Озеро - первую карельскую деревню в русской части Карелии. Посетив Ченаниеми, где разговаривал с вдовой известного рунопевца Петри Кеттунена, и Поньгогубу, Лённрот на лодке отправился в сопровождении местных юношей в Войницу. Один из его проводников - Луккани Хуотари - всю дорогу пел ему отрывки древних рун о Лемминкяйнене, Йоукахайнене и других, не забывая при этом исправно работать веслами. В Войнице Элиасу Лённроту удалось в течение нескольких часов записывать под диктовку Онтрея Малинена и встретиться со знаменитым заклинателем Ваассилой Киелевяйненом. Тот по старости уже не помнил того, что знал раньше, но его рассказы о героях эпоса помогут автору “Калевалы” увидеть новую композицию эпической поэмы о Вяйнемеинене. Посетив по пути Пирттилахти, ученый добрался до Вокнаволока, где в доме Лауринена местные женщины напели ему весь цикл свадебных песен. Затем - через Ченаниеми и Каменное Озеро - он добрался до Бабьей Губы, где произошла еще одна встреча - со старым знакомым Соавой Трохкимайненом, напевшим емунадцать рун еще во время предыдущего - третьего путешествия, в 1832 году.

В ходе пятой поездки весной 1834 года он, пройдя через Кианта, обошел всю Карелию на русской стороне и тем же путем вернулся обратно, побывав в карельских деревнях Лонкка, Войница, Ювялакша, Ухта, Вокнаволок, Ченаниеми, Каменное Озеро и Ладвозеро. Той весной Лённрот встретился с жителем деревни Лонкка Мартиской (Мартти Карьялайненом), о котором писал с некоторым разочарованием; с вдовой Матро, руны и песни в исполнении которой он усердно записывал в Ухте в течение полутора дней. Давний знакомый Юрки Кеттунен исполнил для него в этот раз то, что никем еще не было зафиксировано в давным-давно известной собирателям, в частности, Топелиусу, деревне Ченаниеми, - в числе прочих и сочиненные его двоюродным братом Петри Кеттуненом, к тому времени уже покойным, песни. Сделав крюк, Лённрот завернул и в Латварви, где в течение двух с половиной дней

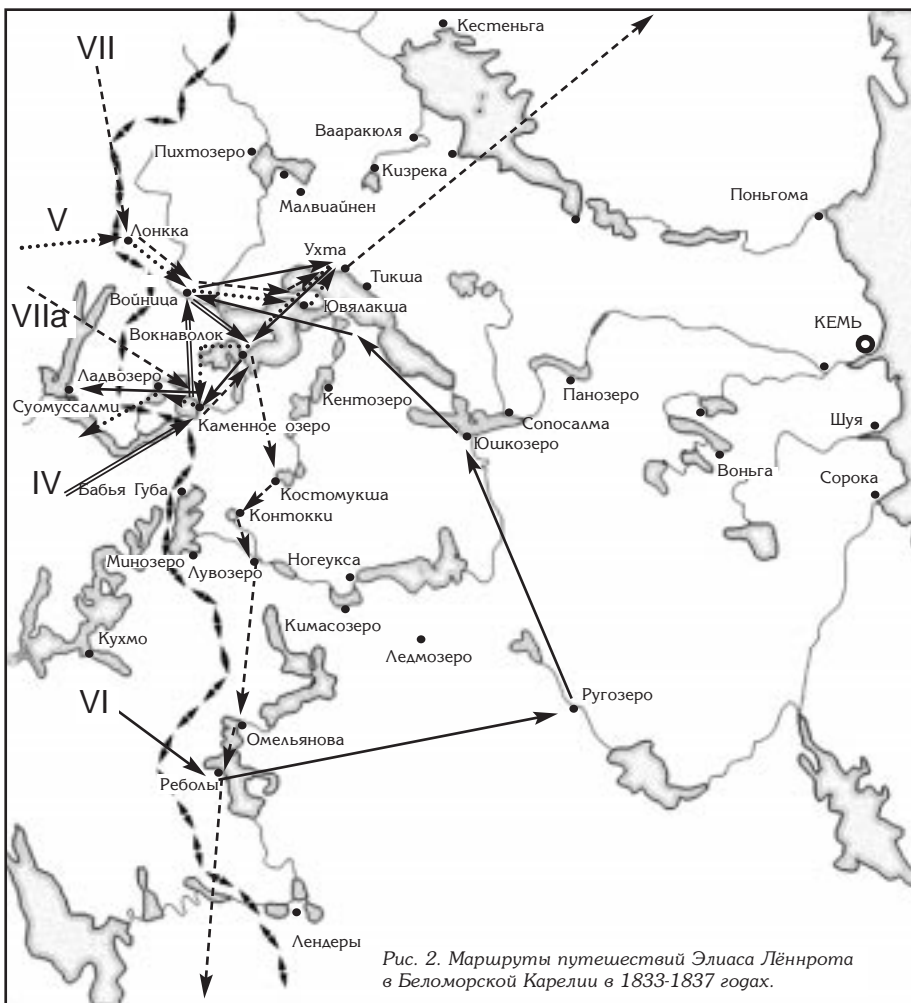

Рис. 2. Маршруты путешествий Элиаса Лёнрота в Беломорской Карелии в 1833-1837 годах.

записывал руны от Архиппы Перттунена, тогда уже весьма пожилого человека, и где впервые услышал причитания, оказавшись невольным свидетелем постигшего семью Архиппы горя - смерти одного из детей.

Через год, в конце февраля 1835 года он сдал первый вариант рукописи “Калевалы” в печать и снова отправился в путь. Теперь его маршрут пролегал в восточную часть русской Карелии. Из Кухмо он прошел че-

рез Реболы в Ругозеро, оттуда вдоль реки Чиркка-Кемь в Юшкозеро, Ухту, Ювялакшу и Вокнаволоок и - через Кианта - вернулся домой. Письма свидетельствуют, что в августе этого года он был еще в одной деревне на русской стороне - в Лапукка. Почти все, с кем ему удалось встретиться на этот раз, остались безымянными в его записках. Он упоминает только Варахвонта Сиркейнена, по прозвищу Ямала, жителя Ухты. В Ругозере он попытался записывать плачи, но из-за трудностей в понимании языка плакальщицы отказался от этого занятия.

Элиас Лённрот побывает в русской части Карелии еще дважды - в ходе седьмого путешествия, самого продолжительного из совершенных им. Оно длилось с осени 1836-го по осень 1837 года. Находясь в пути целый год, он побывал и на севере, и на юге Карелии. Сначала, пройдя через Лонкка, Войницу, Ювялакшу и Ухту, он направился в Поморье (Куусамо, Кереть, Ковда, Кандалакша, Кола), затем в финляндскую Лапландию (Инари, Соданкюля, Куоляярви). Потом - после непродолжительного возвращения в Каяни - еще раз посетил карельские деревни (Каменное Озеро, Вокнаволоок, Костамуш, Контокки, Луварярви, Омельянову, Реболы), после чего, прежде чем вернуться домой, побывал еще в северо-западном Приладожье (Сортавала, Яккима, Куркиёки, Парикала). В ходе этого путешествия он, по собственному признанию, собрал множество старинных песен, из которых получилась впоследствии еще одна книга - "Кантелетар".

ЛЁННРОТ О ЖИЗНИ КРЕСТЬЯН В КАРЕЛИИ

Элиас Лённрот, будучи одной из ключевых фигур в истории своей страны, одним из тех, с кем связано само зарождение и формирование современной финской нации²⁰, остро осознавал культурную преемственность, неразрывность животворной связи между прошлым, настоящим и будущим и был заинтересованным, наблюдательным современником крестьянского по преимуществу общества. Оно не оставило о себе свидетельств и почти не известно науке на уровне бытовых деталей, которыми как раз деятельно интересовался Лённрот. Для нас особенно важно какими предстали его глазам обследованные им районы русской части Карелии. Маршруты знаменитого собирателя фольклора прошли через Выборг, Сортавалу, Петрозаводск, Кемь, Кандалакшу, Колу, Архангельск, Холмогоры, Каргополь, Вытегру, Лодейное Поле, Валаамский и Соловецкий монастыри. Но, разумеется, самыми важными представлялись ему посещения деревень. Он в полном смысле изучал их

жизнь, быт, хозяйственные занятия, даже внутреннее устройство жилья, способы приготовления пищи и типы построек.

Полагают, что у Лённрота, вошедшего в историографию в образе “скромного лекаря” из Каяни и одновременно высокообразованного ученого-филолога мировой значимости, была особая привязанность к земле. Будучи сам выходцем из среды ремесленнической (его отец был сельским портным: семья арендовала усадьбу на праве торпы в Самматти в губернии Уусимаа), Лённрот считал крестьянство и земледельческий труд основой нации и государства. В его путевых заметках всегда обращается внимание на то, как именно был организован труд крестьянина на земле, был ли этот труд успешен. Конечно, он фиксировал и другие занятия населения, упоминая и охоту, и рыбные ловли, и ремесла, и коробейничество, но создается впечатление, что для него это только фон. Главное - и в этом он, похоже, не сомневался, размышляя об участии крестьянина, - это труд на земле: хлебопашество и неотделимое от него разведение домашнего скота. Несомненно, что идеал Лённрота - общество целиком и полностью аграрное, самообеспечивающееся, неразрывно связанное с цикличностью самой природы.

К сожалению, изданные на русском языке чуть более десяти лет тому назад усилиями В. Кийранен и Р. Ремшуевой путевые заметки, дневники и письма Элиаса Лённрота представляют собой только выборку. Об этом свидетельствуют размышления Э. Карху, опубликованные в журнале “Север” под романтическим заголовком: “Герой для Тацитова пера”. Будучи основаны на гораздо более полном пятитомном финском издании (под редакцией Р. Маямаа, 1990-1993) они сфокусированы на сюжетах, наиболее значимых и наименее изученных с точки зрения истории социальной, человеческой. Трудно не согласиться с утверждением, что сведения, сообщаемые Лённротом, являются уникальными свидетельствами непосредственного очевидца, а мелкие подробности народного быта, увиденные зорким глазом умного наблюдателя, призваны избавить историческое повествование от нередко присущих ему схематизма и безлюдности.

Главное, что мы находим в путевых записках Лённрота - это то самое, почти неуловимое, с легкой руки представителей французской школы “Анналов” именуемое ныне ментальностью - то, что можно было бы определить как самоощущение эпохи. Например, Элиаса Лённрота почти оскорбляло то, что крестьяне Вокнаволока, где он побывал не один раз в ходе своих десяти экспедиций, так незаинтересованно занимаются хо-

зайством. Поля у них маленькие и покосы не слишком хорошие. Стада крайне немногочисленные, даже по сравнению с гораздо севернее расположенными хозяйствами финских крестьян. Там средним стадом считалось стадо в 15-20 голов, а тут - три-четыре коровы - уже большое стадо; там - крестьянин высевает ежегодно по пять-шесть бочек зерна, здесь весьма довольны, если посеют бочку²¹. Не без удивления отмечал он и то, что молоко в русской части Карелии отнюдь не является столь же важным продуктом питания, как в финской ее части²².

Многие порядки, наблюдаемые в ходе поездок, он попросту осуждает, как неразумные. Ему кажется, например, что даже просторные, обещающие хороший урожай поля, увиденные им летом 1842 года близ Каргополя, уязвимы и могут пострадать от ночных заморозков, потому что не окружены “как следует сделанными канавами”²³; что традиция, когда приезжие чиновники живут за счет местного населения, которое обязано бесплатно кормить и перевозить их со всей их свитой, не может не вызывать понятного вполне недовольства²⁴; что обычай пасти коров общим деревенским стадом на общем выгоне с общим пастухом проистекает из скученного расположения дворов в деревне; что “скотоводство здесь, как и по берегам Свири, ненамного продвинулось со времен Адама”²⁵; что крайняя нищета, которую ему приходилось кое-где наблюдать, в значительной мере связана с коробейничеством, чрезвычайно вредным для крестьянского хозяйства, так как мужчины надолго оказывались отвлечены от самых важных, на взгляд Лённрота, трудов на земле²⁶.

Буквально во всем - в величине поселений и расположении дворов в них, в манере вести хозяйство, в организации внутреннего пространства изб, в количестве, качестве и назначении домашней утвари, в чистоте полов и способах приготовления пищи - во

Берестяниц Налью из Харкониэми. С рис. Луиса Спарре, 1892 г.

всем он усматривает разницу, отличия от привычного ему быта и порядков в домах крестьян на финской стороне. Совсем редко сравнение оказывается в пользу живущих по эту сторону границы. В основном это касается нравов. Так, Лённрот приятно удивлен готовностью местных крестьян “что-то сделать и заработать честным трудом” и с горечью замечает, что в Финляндии ему нередко приходится “умолять и упрашивать, обещать двойную плату за перевоз”²⁷. Однако, и в этой области далеко не все вызывает его одобрение в Беломорской Карелии. Лённрот негодует против обычая здешних людей падать в ноги, благодаря за что-либо тех, кого они считали выше себя по социальному положению. Будучи убежден, что этот скверный, по его выражению, обычай, унижает человеческое достоинство, он склонен приписывать его влиянию Востока. Впрочем, Лённрот объективен, он резко высказывается о неряшливости жителей южной Финляндии²⁸.

Замечания Лённрота о местах, в которых ему довелось побывать, детальны и интересны. Хотя они не носят систематического характера, кроме, пожалуй, информации о расстояниях между деревнями, его наблюдения, безусловно, способствуют воссозданию пусть приблизительной, но все же социально организованной среды обитания живших в этой части Карелии более полутора столетий тому назад людей.

Впрочем, иногда его впечатления как будто приходят в противоречие с традиционно толкуемыми известиями наших источников. Так, исходящему вдоль и поперек эти края Лённроту казалось, что крестьяне здесь, в отличие от жителей Саво и финской Карелии, которым “надо пройти не одну четверть мили, чтобы навестить соседа”, живут “вблизи друг от друга”, “довольно кучно”²⁹. Он неоднократно возвращался в своих записях к этому наблюдению и даже с надеждой высказывался о том, что со временем система расселения приобретет более разумный облик на финский лад - в виде отдельно стоящих, разделенных заметными расстояниями усадеб-хуторов. Любопытно заметить, что у русских чиновников, бывавших в Лопских погостах в XVII - XVIII столетиях с целью переписи населения для налогообложения, создавалось противоположное впечатление. Они постоянно подчеркивали: “а двory в двух местех”, “дворы у них в трех местех”, и даже: “дворы стоят врознь”.

Можно, конечно, предположить, что перед их мысленным взором представала в качестве идеального образца иная поселенческая структура - характерные для центральной России компактные селения, состоявшие

из почти вплотную примыкавших друг к другу, разделенных разве что палисадниками и огородами, рядов домов. Однако, отнесясь с доверием к этому расхождению мнений, мы вполне можем думать, что разница впечатлений базируется на действительно имевшем место по-разному организованном человеческой деятельностью ландшафте. Вопреки ожиданиям, в северо-западной части Лопских погостов он вполне мог быть более “земледельчески ориентирован”, чем в расположенной южнее их основной части.

У Лённрота были, конечно же, свои задачи. Попутно зафиксированная им картина не статична, она наполнена живыми людьми, их отношениями, их настроениями, их действиями. Нам же кажется весьма важным попытаться воссоздать и расставить декорации в этом давным-давно канувшем в лету, но сохраненном в описании умного и тонкого наблюдателя, театре жизни карельской глубинки. Сведения, сообщаемые Лённротом, носят довольно поздний характер. Это первая половина, ближе к середине прошлого столетия. Что же касается более глубокой истории - хотя бы начала Нового времени, то ничем подобным исследователь истории Карелии, конечно же, не располагает и потому ограничен скудными данными источников, в основном кадастрового происхождения, которые, как ни располагай, все так же получаешь ряды цифр, в лучшем случае, - с использованием современных методов анализа, - сопоставимые ряды объемов, в основе которых те же цифры.

Тем не менее, попытаемся представить, как выглядели все эти места столетием-двумя ранее. Что говорят документальные источники о деревнях, в которых побывал Элиас Лённрот и где ему посчастливилось встретить хранивших древние традиции крестьян, с чьих слов записал он знаменитые на весь мир руны? Напомним лишь, что далеко не всех своих собеседников автор “Калевалы” называет по именам в дневниковых записях, в адресованных друзьям письмах и в отчетах в Академию. Некоторые остались безымянными. Однако многое ли мы знаем даже о тех из них, чьи имена известны уже около полутора столетий - сначала в академических научных кругах, а потом и широкой мировой общественности?

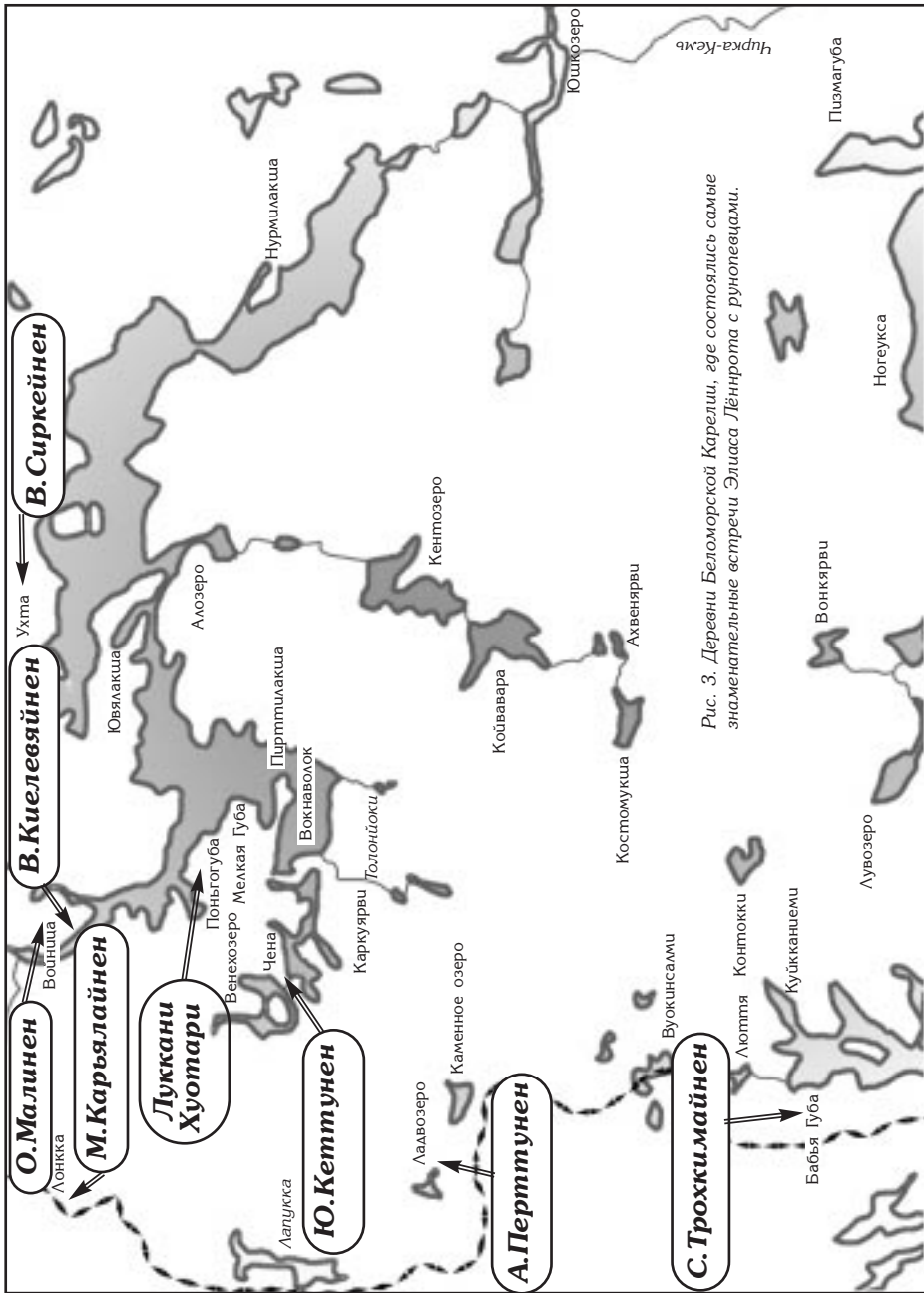

Рис. 3. Деревяни Беломорской Карелии, где состоялись самые знаменательные встречи Элиаса Леннрота с рунопевцами.

НЕУЛОВИМАЯ РАННЯЯ ИСТОРИЯ

Архиппа Перттунен жил в деревне Ладвозеро, Юрки Кеттунен - в Чена-ниemi, Онтрей Малинен и Воассила Киелевэйнен - в Войнице, Варах-вонтта Сиркейнен (Ямала) - в Ухте, Савва Никутьев (Трохкима) - в Бабьей Губе (Аконлахти), Луккани Хуотари - в Поньогубе, Мартти Карьялайнен - в деревне Лонкка (рис. 3).

Сразу отметим - даже самые ранние из известных документальных источников, содержащих важную для нашего исследования информацию об этой северо-западной части Лопских погостов, - уже довольно поздняя историческая реальность. В последней трети XVII века "Ребольские корельские волости", как именуется эта приграничную территорию кольский воевода Лев Секирин, по чьему наказу проводилась перепись дворов и населения здесь в 7187-м [1678/79* - И. Ч.] году, были в составе Кольского уезда и управлялись из Кольского острога. Позднее - в XVIII столетии - названные деревни, вместе с другими, составлявшими округу Вокнаволока, входили в Ребольский погост Олонецкого уезда, о чем свидетельствуют материалы I, II, III и IV ревизий. Еще позднее - с 1790-х годов они относились к Кемскому уезду Архангельской губернии. Выяснение того, что представляла собой в административном отношении эта приграничная территория ранее, до 1670-х годов, привело нас к чрезвычайно важным выводам. Однако, начнем по порядку.

Согласно ремарке того же кольского воеводы Льва Секирина, в предшествовавших переписных книгах, составленных в Кольском уезде в 7155-м [1646/47] году "стрелецким головой"^{**} Кольского острога Леонтием Азарьевым и подьячим Василием Звягиным, эта часть уезда описана не была³⁰. Еще более ранний источник - дозорная книга Коль-

* Для того, чтобы перевод дат был понятен, напомним, что до начала XVIII века Россия жила по заимствованному из Византии летосчислению. Счет времени велся от Сотворения Мира, определенного в 5508 лет до Рождества Христова. Кроме того, в XV - XVII веках первым месяцем каждого нового года считали сентябрь (ранее - в XI-XIV столетиях год на Руси начинался с 1 марта). Для соотнесения дат, упоминаемых в наших документах, с современным календарем и помня о том, что первый месяц года ныне - январь, необходимо вычесть 5508 из указанного года, если событие происходило с 1 января по 31 августа, и 5509, если речь идет о событии, случившемся в период с 1 сентября по 31 декабря. Когда точная дата неизвестна - если документ формулирует ее без указания месяца, современная датировка не может быть более точной, чем предлагаемая: 1678/79, что означает 7187 год по древнерусской системе летосчисления.

** Стрелецкий голова - военное должностное лицо в России XVI-XVII вв.

ского уезда, составленная Алаем Михалковым в 1608-1611 гг., тоже не содержит описания интересующей нас местности. Это может означать лишь одно: в первой половине XVII столетия Реболы с округой еще не были в ведении Кольской воеводской избы. Но тогда в чем административном подчинении была эта территория?

Кое-что проясняет так называемая “отбойная запись” крестьян Лендерской волости, впервые опубликованная К. И. Якубовым в конце прошлого столетия и затем вновь изданная Р. Б. Мюллер в сборнике документов по истории Карелии³¹. Когда сюда в 1628 году по повелению новгородского воеводы князя Ивана Одоевского прибыл подьячий Богдан Воломский с требованием выдать “корельских перебежчиков”, местные жители встали на их защиту и, вооружившись - “с копыи и з бердыши*” и с топоры и с ослопы**”, - наотрез отказались подчиняться новгородским властям³². Они утверждали, что их погост “московского присуду***, а не новгородского” и сообщили, что налоги они платят данщику**** Соловецкого монастыря, который регулярно бывает здесь и их “во всем ведает” - то есть решает все спорные дела и собирает подати. Именно он, крестьянин из Сумской волости Рудачко Фонков, был уполномочен давать “вид на жительство”, как бы мы сегодня сказали, вновь приходившим из-за рубежа. Во всяком случае, по свидетельству документа, все “перебежчики у данщика у явки были и поручные записи в житье данщику по себе дали”³³.

В соответствии с существовавшими в те времена порядками, местные крестьяне должны были поручиться за вновь принимаемых в общину новых людей. Это означало не только подтверждение их готовности делить впредь с новыми поселенцами права пользования пашенными и иными деревенскими угодьями, но и, что было не менее важно, особенно для властей, согласие других членов общины нести бремя государственных налогов и за новых своих соседей в том случае, если они ее покинут - вплоть до нового положения в оклад.

Совершенно очевидно, что Ребольский погост в первой трети XVII века был на не очень определенном, особом положении. В Москве, как всегда, когда речь шла о приграничных территориях, предпочитали ве-

* Бердыш - старинное оружие: топор с лезвием в виде полумесяца.

** Ослоп - род оружия: дубина, толстый конец которой был утыкан железными остриями или окован железом.

*** Присуд - территориально-административная единица в России XV-XVII века: округ, находящийся в чем-либо ведении в отношении суда и управления.

**** Данщик - в данном случае - тот, кто собирает подати и пошлины.

сти дело осторожно, в русле традиционной политики “бережения”, столь характерной для всего этого региона еще со средневековых времен³⁴.

Размышляя о вероятной подчиненности Лопского Ребольского погоста, как именуется окрестности Лендер в только что проанализированном документе, приходим к выводу, что он должен был входить в состав Лопских погостов. В XVI веке они предстают уже достаточно четко оформленным административно-территориальным округом. Однако включенные нами в первый том совместного межакадемического издания “История Карелии XVI-XVII вв. в документах” описания Лопских погостов 1587/88 и 1597 годов не числят ни Ребол, ни других близлежащих поселений среди не слишком многочисленных деревень и волосток края³⁵.

Остается предположить, что Реболы с округой входили в XVI столетии в самую северную часть соседнего Корельского уезда - Иломанский погост. Понимая, что бесполезно искать упоминания о них в опубликованных нами в том же томе писцовых книгах 1539 и 1568 годов в силу их заведомой неполноты (в 1539 году были описаны только земли помещиков, а от книги 1568 года сохранился до наших дней лишь фрагмент с информацией о южной части Корельского уезда), обращаемся к знаменитой “Переписной окладной книге по Новугороду Вотьской пятины 7008 года”, изданной В. Д. Беляевым еще в 1852 году³⁶. Но и в этом - наиболее полном из известных описаний Корельского уезда - упоминаний о Реболах нет.

Однако недостаток информации более чем восполняем тем фактом, что в том же первом томе совместной публикации, в его шведской части, подготовленной к изданию Вейо Салохеймо, все-таки находим упоминание о Реболах. В так называемом “Списке запустений...”, составленном после захвата Корельского уезда шведами, в 1590 году, кратко упомянуты 140 домов в приходе Реболы Иломанского погоста, подати с которых не поступают³⁷. Очевидно, сборщики налогов были вынуждены ограничиться лишь констатацией общего количества неплатежеспособных дворов по информации старост. Особенно это касается Соломенского погоста и окрестностей Лиексы, а значит, и Ребол, куда им, по мнению В. Салохеймо, вообще попасть не удалось из-за сопротивления местных крестьян, не желавших признавать власть шведского короля³⁸.

Рис. Виктора Сукгорфа, 1894 г.